

Денис Ермолин

Конференция «Танатологические практики и нарративы в современной культуре: советский и постсоветский период»

В середине февраля Институт антропологии и этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая на два дня (13–14 февраля 2014 г.) стал площадкой для тех, кто интересуется изучением погребального обряда, коммеморативными практиками и танатологическими нарративами в современной культуре. Организаторами конференции выступили молодые сотрудники ИЭА Анна Соколова и Анна Юдкина. Говоря о некоторых рабочих моментах, стоит, пожалуй, отметить, что изначально на проведение мероприятия отводился лишь один день, однако число присланных заявок, несмотря на конкурсный отбор, было столь велико, что возникла потребность во втором рабочем дне. Всего на конференции было обсуждено 17 научных докладов, а участники представляли научно-исследовательские центры и высшие учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Саратова и Апатитов.

Необходимо сразу подчеркнуть, что докладчики и диспутанты являлись представителями не только социокультурной антропологии и этнологии, но и других гуманитарных дисциплин — социологии, фольклористики, этнолингвистики, что позволяло взглянуть на существующие проблемы и возникшие в ходе дискуссии вопросы из разных перспектив. Однако именно такого рода

Денис Сергеевич Ермолин
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
denis.ermolin@gmail.com

форум, как представляется, стремились создать организаторы, призывая в информационном письме потенциальных участников порассуждать, прежде всего, на темы, связанные с трансформациями погребальной обрядности и танатологических нарративов в советский и постсоветский периоды, обращая внимание на экономические и социальные аспекты данной проблематики.

Актуальность темы не вызывает сомнения, поскольку именно в советский период в истории нашей страны произошли перемены в укладе жизни (как городской, так и сельской), коренным образом повлиявшие на то, что принято называть «традиционной» культурой. Активные миграционные потоки внутри страны и урбанизация, с одной стороны, и возросший уровень образования и здравоохранения, а также антирелигиозная пропаганда и административное структурирование, с другой, явились причиной трансформации (переосмысления, ослабления и размывания) воспроизводимых практик и ритуальных моделей поведения, включая, разумеется, и сферу деятельности и представлений, связанных со смертью и погребальным обрядом. В новейшее время важнейшим фактором, влияющим на векторы развития культурных практик, по всей видимости, явился отказ от советской экономической модели в пользу свободного рынка. На микроуровне это привело, например, к появлению огромного количества бюро ритуальных услуг, сосуществующих в условиях жесткой и доходящей до цинизма конкуренции. В сельской местности, где даже на протяжении советского периода «обходились малым» — изготавливали гробы, венки и памятники в местных цехах и мастерских, в настоящее время все большее распространение получают предметы погребального обихода, приобретаемые в городах или в салоне ритуальных услуг прямо в селе, при этом категории эстетической привлекательности и моды стали играть едва ли не ведущую роль при выборе и приобретении набора всех необходимых для погребения атрибутов. С момента дезинтеграции Советского Союза прошло уже без малого четверть века, в связи с чем изучение новых форм ритуального поведения и факторов их появления в обществе является не только оправданным, но и необходимым, что и продемонстрировала данная конференция.

Е.Е. Левкиевская (Институт славяноведения РАН, Москва) представила доклад, посвященный анализу особых ритуальных практик — так называемого «народного» отпевания среди украинцев, проживающих в Самойловском р-не Саратовской обл. Докладчица подвергла анализу механизмы формирования и укоренения альтернативных институтов, в случае необходимости замещающих священство (крещение детей,

освящение воды и Пасхальных яств, богослужения, чин погребения). С реабилитацией церкви и появлением приходов в большинстве сел изучаемого анклава потребность в подобных действиях отпала, однако в некоторых случаях данные практики не исчезают, существуя параллельно с каноничным чином отпевания, часто вступая с ним в конфликт. В ходе дискуссии была поднята тема возможного сопоставления данного культурного феномена с беспоповскими течениями в старообрядчестве.

Обзорное сообщение, посвященное стратифицирующей функции ритуально-похоронного дела, подготовила социолог **М.Э. Елютина** (Саратовский государственный университет). Необходимо оговориться, что в зарубежной социогуманитарной науке данной проблематике посвящено невероятно огромное количество как общетеоретических работ, так и исследований на конкретном материале ([Drakeford 1997; Reimers 1999; Bradbury 2001] и мн. др.), появляются они и в России ([Бредникова 2005; Левченко 2009; Сафронов 2011] и др.). Докладчица, однако, не сочла необходимым сделать краткий обзор того, что уже было опубликовано по заявленной и далеко не новой теме. На полученных материалах автор приходит к выводу, что в России происходит постепенная профессионализация ритуального дела, что, однако, не помогает в деле борьбы с нарушениями антимонопольного закона. Говоря иначе, муниципальные органы власти злоупотребляют правом распределения участков, отводимых под захоронение.

Результаты еще одного социологического исследования — на этот раз отношения современной молодежи к погребальному ритуалу — были представлены **И.А. Разумовой** (Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН, Апатиты). Группа исследователей ставила своей целью выяснить типы отношений к погребальному обряду в целом, его разновидностям и формам, отдельным атрибутам, а также установить факторы, влияющие на мнения, представления и оценки, связанные с процедурой погребения, функциями организаторов, поведением и эмоциональным состоянием участников. Докладчица пришла к выводу, что современным молодым людям в целом свойственны, с одной стороны, более ироничный взгляд на похоронный ритуал, желание трансформировать формально-ритуальную основу обряда в сторону большей утилитарности, а с другой — частая апелляция к прошлому (*надо делать похороны, как древние русичи, как египтяне и др.*) в качестве идеальной модели.

Обсуждение вопросов культурной и исторической памяти заняло особое место в рамках конференции, что говорит о воз-

растающем интересе к проблеме мемориализации и осмыслению конкретных проектов, реализованных в Советском Союзе и разрабатываемых в наши дни. **Д.В. Громов** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) поделился своими идеями относительно традиции создания пантеонов российских правителей, начиная от Архангельского собора Кремля. По наблюдению докладчика, смена пантеонов связана с коренными изменениями социально-политической ситуации в стране. Если в разгар кризиса правители лишались возможности быть похороненными в пантеонах (Василий Шуйский, Николай II), то по завершении кризиса их останки переносились на надлежащее место, что воспринималось в качестве восстановления стабильности. С созданием Федерального военного мемориального кладбища данная традиция может быть продолжена в современной России, поскольку на этом кладбище предлагается хоронить в том числе президентов РФ.

Тему продолжила **Н.В. Семенова** (Санкт-Петербургский государственный университет) докладом, посвященным трансформациям визуального канона ленинианы. В качестве источников были выбраны фильмы «Три песни о Ленине» (1934), «Рассказы о Ленине» (1957) и «Телец» (2000). Материал кинолент убедительно демонстрирует, что способы и нарративы умирания и смерти вождя в языке киноискусства претерпевают постепенные, но существенные изменения — от табуации темы смерти (в Мавзолее, по словам Анри Барбюса, «спит словно живой Ленин») в 1930–1950-е гг. через ее мелодраматизацию (начиная с середины 1950-х гг.) до деконструкции визуального канона в картине А. Сокурова «Телец». Данные наблюдения и выводы могут быть успешно применены при анализе тенденций развития мемориального дискурса в советском и постсоветском искусстве, прежде всего в живописи и литературе.

Экскурс в историю советского мемориального дискурса сделала **А.Б. Юдкина** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва). Акцентируя внимание на Могиле неизвестного солдата в Александровском саду (1967), докладчица проследила за историей создания аналогичных мемориалов в странах Западной Европы — в Париже под Триумфальной аркой и Лондоне рядом с монаршей усыпальницей на территории Вестминстерского аббатства (оба 1920 г.), которые были посвящены памяти бойцов, павших на фронтах Первой мировой войны. Помимо истории, А.Б. Юдкина рассмотрела роль данного места памяти в советском мемориальном дискурсе, а также связанные с ним символы и ритуалы.

М.Д. Алексеевский (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва) в своем докладе рассмотрел историю формирования и трансформации мемориального комплекса на Дружинниковской улице Москвы, посвященного противостоянию защитников Верховного совета и правительственных войск осенью 1993 г. В качестве источников докладчик привлекает корпус меморатов участников событий, посвященные конфликту культурные тексты из газет и сети Интернет, а также наблюдения за ритуальными практиками. М.Д. Алексеевский подробно остановился на рассмотрении корпуса сюжетов о так называемой «Могиле отца Виктора» — кенотафе, установленном якобы на месте гибели православного священника. На примере данного места памяти докладчик приходит к важному выводу о том, что бытование нарративов напрямую связано с самим мемориалом — когда место исчезает или перемещается, исчезает или трансформируется и корпус сюжетов о нем.

Историю несчастного случая, произошедшего осенью 2013 г. на участке автомобильной дороги между Кировском и Апатитами, осветила **О.В. Змеева** (Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН, Апатиты). Трагическая гибель журналиста местного телевидения вызвала всплеск активности, которая нашла отражение в печатных и интернет-публикациях регионального уровня. На конкретном примере докладчица подняла тему гибели «известного человека», когда дополнительными основаниями оправдания или обвинения становятся социальное окружение, образ жизни, поведение и профессия жертвы ДТП. Доклад вызвал продолжительную дискуссию, основной темой которой стало соотношение «рационального» и «мистического» в корпусе текстов, посвященных трагедии.

М.М. Миленина (Институт одаренного ребенка НАПНУ, Киев) предложила вниманию аудитории анализ нарративных структур танатологического дискурса на материалах, полученных в ходе включенного наблюдения за вербальным и невербальным поведением людей во время общения на личные темы. Из всего корпуса нарративов анализу подверглись фабулаты, мемораты, прескрипции, запреты, регламентирующие отношения человека с некротермой. М.М. Миленина выделила следующие функции текстов танатологического дискурса: концептирующая (заговоры, эпитафии, толкования снов), канализации эмоций (мемораты), хранение информации (предания и биографические повествования об усопшем), развлекательная (черный юмор), дидактическая (прескрипции и запреты), фатическая (рассказы за поминальным обедом и при посещении кладбища), художественная и эстетическая (ро-

мантизация символов смерти и пространства кладбища), социализирующая (детские страшилки). Глубина анализа собранного материала, основанная на применении методов современной фольклористики, демонстрирует безусловную перспективность работы с подобными текстами, поскольку в них отражаются представления современных горожан о смерти, умирании и понимании потустороннего мира.

Доклад о фольклорных мотивах взаимоотношений поисковиков с миром мертвых прочитала **А.Ф. Балашова** (Московский государственный университет). Записанные материалы демонстрируют бытующие представления о том, что постоянное взаимодействие с погибшими (или их душами) приводит к тому, что сам копатель приобретает черты существа из иного мира. Фольклор копателей представляет синтез традиций кладоискателей и могильщиков и элементов субкультур стройотрядовцев, студентов, археологов, что позволяет включать данный материал в более широкий контекст фольклорных текстов с перспективой установления возможных универсалий сюжетных основ и принципов распространения и бытования (подробно см. в сб.: [Современный городской фольклор 2003: 11–13]).

С.В. Мохов (Московская высшая школа социально-экономических наук / The University of Manchester) рассказал, почему одним из самых излюбленных цветов при покраске могильных оград является голубой. По версии докладчика, распространение данной практики связано с дефицитом лакокрасочных материалов в советское время, поэтому основным способом их приобретения была кража с производства. С.В. Мохов коснулся также и вопроса появления оград, которые не были распространены в русской культуре вплоть до середины XX в. Среди основных причин были названы удешевление и большая доступность металла (включая выполнение работ в цехах) и возросшая конкуренция за свободные места на кладбищах. Обращение к теме, затрагивающей практические аспекты организации мемориального пространства, безусловно, интересно, однако возникает соображение относительно того, существует ли в принципе возможность найти ответы на подобного рода вопросы и должным образом верифицировать полученное знание, поскольку, например, человек, всю жизнь проработавший в гараже совхоза, скажет, что голубую краску использовали за неимением другой, а православный христианин (и эта версия звучала в докладе) свяжет голубой цвет ограды с символикой Богородицы.

Доклад **Ю.С. Шаниной** (Санкт-Петербургский государственный университет) был посвящен раскрытию акустического

кода кладбища на примере д. Родома (Лешуконского р-на Архангельской обл.) с акцентом на невербальные способы — стрельба, сигналы машины, звон колокола, стук. Докладчица пришла к выводу, что данный невербальный акустический код выступает в качестве особых коммуникативных практик между представителями мира живых и мира мертвых. Перспективным представляется компаративное исследование данного материала с тем, что фиксируется в пределах других локальных традиций (прежде всего, на Русском Севере), для того чтобы понять, насколько уникальны описанные в докладе ритуальные практики.

Д.Ю. Доронин (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) на полевых материалах из Республики Алтай продемонстрировал, каким образом в постсоветское время происходит трансформация похорон шамана. Если в прежние времена шаманов хоронили отдельно, зачастую в тайных местах, то в настоящее время похороны шамана (на примере ритуала в отношении известного кайчи Аржана Кезерекова, погибшего в автокатастрофе в 2012 г.) становятся публичным событием. На него приглашаются официальные гости, звучат траурные речи, а само погребение состоялось в центре общественного кладбища. Актуальная тема, добротный собранный этнографический материал и применение ряда научных методов (включая привлечение и анализ большого объема интернет-ресурсов) позволили Д.Ю. Доронину сделать доклад не только интересным для слушателей, но и весьма полезным с точки зрения вклада в современное этнографическое сибиреведение.

Опираясь на теоретические положения этнолингвистической школы Н.И. Толстого, **М.А. Андрунина** (Институт славяноведения РАН, Москва) рассмотрела два варианта модернизации традиционной восточнославянской погребально-поминальной обрядности: утрату некоторых элементов в связи со стиранием их мифологического значения и аккомодацию погребального обряда под влиянием современности. В качестве примеров автором были выбраны: а) эволюция в погребальном ритуале «нечистых» покойников и б) обычай застилания могилы скатертью во время проведения весенне-летних поминальных обрядов.

Отчасти перекликаясь с Е.Е. Левкиевской, **А.Д. Соколова** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) проанализировала трансформации, произошедшие в сельском погребальном обряде в связи с появлением новых групп акторов (работники ритуальных служб, в особенности бригадиры, наделенные особым статусом), которые вынуждены выстраивать линию взаимодействия как с родственниками

умершего, так и с традиционными ритуальными специалистами (представителями церкви или так называемыми *читалками* — женщинами старшего возраста, проводящими чин погребения в отсутствие священников). А.Д. Соколова осветила весьма важный вопрос о разделении сфер влияния между всеми этими акторами в настоящее время, когда, с одной стороны, расширяется рынок ритуальных услуг, а с другой — укрепляется авторитет и влияние РПЦ на общественную жизнь россиян.

Д.С. Ермолин (Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург) свой доклад посвятил обсуждению норм, практик и традиций современной погребальной обрядности славян-мусульман, проживающих в регионах Голо Бордо и Гора (Албания). В связи с тем, что с 1967 по 1989 гг. Народная Республика Албания была официально атеистической страной, в этот период любые проявления религиозности, включая предписания сунны относительно погребального обряда, преследовались на государственном уровне. Именно тогда властями был разработан комплекс светской обрядности, элементы которой, наряду с современными практиками городской культуры, воспроизводятся и в настоящее время. Помимо этого, Д.С. Ермолин продемонстрировал, каким образом смерть одного из членов социума и погребальный обряд воздействуют на различные уровни физического, социального и ментального пространства.

В продолжение тем соотношения официально-предписываемого и народно-бытующего в погребальном обряде **К.П. Трофимова** (Институт философии РАН, Москва) на примере цыган-мусульман Балканского полуострова (в основном, Сербии и Македонии) продемонстрировала, каким образом происходит формирование и сосуществование нескольких нормативных дискурсов — «внутреннего» (народного) и «внешнего» (официального), образующих гибкие границы локального ислама и на практике не противоречащих друг другу, а скорее находящихся в положении дополнительной дистрибуции.

С заключительным докладом конференции выступила **Н.А. Бирюкова** (Московский институт открытого образования), которая предприняла попытку анализа и интерпретации погребального обряда шурышкарских ханты. Лейтмотивом сообщения стал образ Оби как границы и проводника из Среднего в Нижний мир.

Среди всех тем, поднятых докладчиками, наибольший отклик в виде вопросов и высказываний вызвала проблема соотношения народного и официального (в том числе в религиозной

сфере) в контексте погребального обряда. Очевидно, интерес к данной проблематике вызван не в последнюю очередь тем, что именно в настоящее время мы можем наблюдать столкновение различных сценариев и практик, что, видимо, является чертой переходного периода, на протяжении которого формируются новые нормы и тенденции (реабилитация церкви, расширение рынка ритуальных товаров и услуг), в то время как бытовавшие ранее и привычные модели поведения по-прежнему занимают важное место в современной культуре. В этом отношении весьма показательными были доклады Е.Е. Левкиевской и А.Д. Соколовой. Материал Д.Ю. Доронина продемонстрировал обратное — похороны шамана из скрытого от посторонних глаз действия превращаются в публичное зрелище, активно освещаемое в СМИ.

Еще одной темой, вызвавшей интерес как со стороны докладчиков, так и среди участников дискуссии, стал мемориальный дискурс: обсуждались принципы функционирования памятных мест, а также процессы появления и бытования нарративов, связанных с определенными локусами культурного ландшафта.

Изучение современного погребального обряда и танатологического дискурса в городской и сельской культуре в их трансформации является, по нашему представлению, одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в социогуманитарном знании как в теоретическом, так и в практическом отношении, поскольку, с одной стороны, поиски ответов на вопросы, связанные с феноменом смерти и его осмыслением, волнуют человека с момента осознания собственной смертности, а с другой, в современном обществе очевидна тенденция «обезличивания» смерти и десаκραлизации танатологических нарративов и практик.

Библиография

- Бредникова О.* Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология. Сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова. ЦНСИ: Unplugged / Под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 115–130.
- Левченко И.Е.* Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2009. № 4. С. 158–165.
- Сафронов Е.* Кладбище в индивидуальном ракурсе (полевые заметки) // Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 388–396.
- Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003.
- Bradbury M.* Forget Me Not: Memorialization in Cemeteries and Crematoria // J. Hockey, J. Katz, N. Small (eds.). Grief, Mourning and

Death Ritual. Buckingham: Open University Press, 2001. P. 218–225.

Drakeford M. Funerals, Poverty and Social Exclusion. Cardiff: National Local Government Against Poverty in Wales, 1997.

Reimers E. Death and Identity: Graves and Funerals as Cultural Communication // Mortality. 1999. No. 21. P. 47–66.